

Бай Цинье, всё это время находившаяся рядом в ожидании приказаний, тоже заметила сегодняшнюю необычность Бай Цингэ. Прежде эта секретарша, будучи на людях решительной и стремительной, даже если бы ей приставили нож к горлу, не изменилась бы в лице.

Сейчас же её брови слегка нахмурились, а в спокойных, казалось бы, зрачках появился отблеск тревоги.

— Госпожа, вы нездоровы? Я немедленно вызову дежурную медицинскую бригаду.

Бай Цингэ пошевелила пальцем, давая понять, что не нужно.

Секретарша, проводившая с ней дни и ночи напролёт, естественно, сразу поняла значение этого жеста. Но тревожная пелена, застывая её глаза, подобная тёмным тучам, ничуть не рассеялась.

Госпоже нужно сделать выбор. Главное, чтобы она осталась жива, а там уж всегда найдётся выход.

— Госпожа, начать подготовку запасного плана?

— Какого ещё запасного плана? Чтобы я стала железной болванкой? Или вообще лишилась даже тела железной болванки, превратившись в неосязаемое и незримое сознание?

Она не разделяла эти сомнительные методы. Первый означал отказ от плоти: остаётся только мозг, к которому приделывают механическое тело — и снова можно свободно двигаться. Что называется, плоть — это боль, механизация — вознесение, примерно так. Но что может механический остов, кроме как быть чуть более полезным в драке? Ни вкусной еды, ни ласки и объятий — ничего этого не будет!!!

К тому же, разве она относится к тем, кому нужно действовать самой? Не хвастаясь, стоит ей только пальцем поманить — сколько угодно найдётся желающих рисковать за неё жизнью. Человек погибает за богатство, птица — за корм, так ведь.

О втором способе и говорить нечего: отказаться даже от мозга, просто загрузить сознание. Нужен лишь контейнер — она может стать чем угодно, только не человеком. И к тому же, ни одной из этих технологий у неё в руках нет. Чтобы раздобыть, придётся выложить кругленькую сумму, да ещё следить, чтобы продавец не встроил какую-нибудь закладку. Всё-таки капиталисты, души у них чёрные, кто понимает — тот поймёт.

Если не будет ласки и объятий, лучше уж сдохнуть!

— Если тебе это не по душе, есть и другие варианты, например, клонирование...

[Входящее сообщение. Принять?]

[...]

Ей очень хотелось сбросить вызов, но эта персона была важна для Госпожи, да и отношения у них были особые.

Без всяких предисловий, голос, холодный, словно вода в бездонном ледяном озере, резанул напрямую:

— Я хочу видеть Бай Цингэ.

Это фамильярное обращение без намёка на уважение заставило Бай Цинье мысленно заколотить кулаком по стене.

Неблагодарная тварь! И зачем только Госпожа тогда привела её?

— Цинье, что случилось?

Запнуться на полуслове — это не в стиле элитного секретаря Бай Цинье.

Неужели возглавляемые протагонистом повстанцы ворвались в дом? Как говорится: где угнетение, там и сопротивление. В обществе, где ресурсы предельно сконцентрированы в руках меньшинства, это особенно верно. Решать классовые противоречия насильственными методами неизбежно. А протагонист этой игры как раз и был одним из повстанцев.

Её тело тоже скоро не выдержит. Повстанцы и правда должны вот-вот нагрянуть, иначе она просто откинет копыта раньше времени. Конечно, она знала, что протагонисту, как игроку, суждено победить. Но поднять руки и сдать компанию? Невозможно. Абсолютно невозможно.

Когда ворвутся, что лучше — выброситься из окна или застрелиться?

Она совсем опустила руки. К чёрту такую игру, нужно перезапускаться.

— Это Не Луаньди хочет вас видеть.

— Не Луаньди... — не повстанцы, а Не Луаньди. Бай Цингэ медленно прожевала это имя, будто вспоминая, кому оно принадлежит.

— Пусть поднимается.

— Слушаюсь.

Бай Цинье слегка склонила голову. Хотя этот человек был ей неприятен, она никогда не осмелилась бы ослушаться приказа Госпожи.

Лифт поднимался этаж за этажом. Не Луаньди холодным взглядом следила за сменяющимися цифрами.

Семьдесят, восемьдесят, девяносто, девяносто девять...

Сотый этаж — место, где находилась та самая личность. Заповедная зона, ступить на которую без разрешения строжайше запрещено.

Женщина, вознёсшаяся столь высоко и игравшая ею, словно пешкой, сегодня встретит свой конец.

Не Луаньди погладила коробку длиной всего в локоть, которую держала под мышкой. Взгляд её был решителен. Быть может, и ей суждено умереть здесь сегодня, но ради сестры она уже всё для себя решила.

— Явилась. Садись, где удобно, — Бай Цингэ с трудом приподнялась и оперлась спиной о кресло директора, отчего стала выглядеть немного бодрее.

Не Луаньди не шелохнулась. Бросив взгляд на стоящую рядом Бай Цинье, она произнесла:

— У меня личное дело.

Смысл был ясен без слов. Бай Цинье, которой крайне не нравился надменный вид Не Луаньди, уже собралась приструнить её, напомнив, с кем та разговаривает. Но их Госпожа остановила её взмахом руки.

— Цинье, ступай, занимайся своими делами.

— Госпожа, она...

— Всё в порядке, — перебила её Бай Цингэ.

Госпожа слишком потакает этой женщине, оттого та и стала считать себя выше всех, не ведая благодарности.

Проходя мимо Не Луаньди, Бай Цинье внезапно остановилась и настороженно спросила:

— Что у тебя в этой коробке?

Благодаря щедрым вложениям Госпожи, Не Луаньди теперь была практиком меча седьмого уровня. В Лочэне это уже считалось верхом мастерства.

— Летающий меч, — не стала скрывать Не Луаньди. Вернее, если бы та захотела проверить, скрыть всё равно бы не удалось, поэтому лучше было показать открыто, ослабив бдительность собеседника.

Уменьшилась ли настороженность Бай Цингэ, было неясно, но у Бай Цинье она точно возросла. Практик меча с летающим мечом и без него — это два совершенно разных человека.

— Что? Ваша Госпожа разрешила мне иметь при себе оружие. Если считаешь, что это неподобающе, можешь забрать.

Она и голыми руками могла бы придушить эту «калеку», которая и ходит-то с трудом. Летающий меч она взяла на всякий случай. А раз наверху только она одна, беспокоиться не о чем.

Бай Цинье протянула руку, чтобы взять футляр с мечом, но Бай Цингэ остановила её:

— Я разрешила ей носить его. Пусть оставит.

Она надеялась, что та, помня о том, что она когда-то ей помогла, перережет глотку порезвее. Казалось, это был самый лучший способ умереть в данной ситуации.

Бай Цинье, разумеется, не стала перечить приказу и ушла. Едва за ней закрылась дверь, Не Луаньди оскалилась в насмешливой улыбке.

— Ты не боишься, что я убью тебя?

Бай Цингэ смешала несколько подписанных документов с остальными, постучала ими об стол, чтобы ровнее лежали, и спокойно ответила, ничуть не выказывая испуга перед покушением:

— Я давно знала, что такой день настанет. Мне всё равно скоро умирать. Умереть от твоих рук — тоже неплохо.

Не Луаньди нахмурилась, сдвинув брови. Она думала, что уже раскусила эту бесстыжую особу, но, оказавшись перед ней, поняла: похоже, она так и не смогла её понять.